

ОБРАЗОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ В РСФСР В 1930-Е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ)

Перебинос Юлия Александровна

Кандидат исторических наук, доцент, доцент.

Вологодский институт права и экономики ФСИН России

uliaperebinos@mail.ru

EDUCATION OF REGIONAL PARTY AND SOVIET LEADERS IN THE RSFSR IN THE 1930S (BASED ON THE MATERIALS OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA)

Iu. Perebinos

Summary: The article examines the educational level of regional leaders of Soviet Russia in the 1930s. Workers of the staff of the committees of the CPSU (b) and executive committees of Councils of different levels of government of such administrative-territorial entities as the Northern Krai (1929-1936), the Northern region (1936-1937), the Arkhangelsk and Vologda regions (since 1937) were selected as the object of study. The study was conducted on the basis of the involvement of archival and published sources. Within the framework of the publication, the features of the personnel composition of the party-Soviet apparatus from the point of view of the educational level are shown, the trends of the evolution of the education of party and Soviet workers in the conditions of socialist modernization of the 1930s are traced.

Keywords: socialist modernization, party and Soviet apparatus, party and Soviet leading (responsible) workers, educational level, Soviet Russia, Northern Krai, Northern region, Arkhangelsk and Vologda regions, the 1930s.

Аннотация: В статье рассматривается образовательный уровень региональных руководящих работников Советской России в 1930-е годы. В качестве объекта изучения выбраны сотрудники краевых и областных аппаратов комитетов ВКП (б) и исполнительных комитетов Советов таких административно-территориальных образований, как Северный край (1929–1936 гг.), Северная область (1936–1937 гг.), Архангельская и Вологодская области (с 1937 г.). Исследование проведено на основе привлечения архивных и опубликованных источников. В рамках публикации показаны особенности кадрового состава партийно-советского аппарата с точки зрения образовательного уровня, прослежены тенденции эволюции образованности партийных и советских работников в условиях социалистической модернизации 1930-х годов.

Ключевые слова: социалистическая модернизация, партийно-советский аппарат, партийные и советские руководящие (ответственные) работники, образовательный уровень, Советская Россия, Северный край, Северная область, Архангельская область, Вологодская область, 1930-е годы.

В 1930-е годы в условиях форсированной социалистической модернизации, необходимости реализации социально-экономического проекта масштабной индустриализации страны значительно возросла роль образования, причем не только начального, но самое главное – высшего и среднего. В изучаемый период кампании по массовой ликвидации безграмотности сменились борьбой за хорошо подготовленные и образованные профессиональные кадры, которые «решают все». Это тенденция коснулась и региональных партийно-советских ответственных работников, которые на местах воплощали политику Центра по коллективизации, модернизации и культурной революции. Продвижение в местный партийно-советский аппарат работников с высшим и средним образованием стало особо заметным к концу 1930-х гг., чему благоприятствовало настойчивое внимание к данному вопросу на всех этажах властной вертикали. Так, секретарь и член Оргбюро ЦК ВКП (б) А.А. Жданов в 1939 г. отмечал, что «в составе партийных кадров появилось теперь немало людей с высшим образованием, людей культурных, знающих, образованных»

[1, с. 529]. Жданов также в позитивном ключе акцентировал внимание на изменении политики по отношению к образовательному уровню работников: «... если несколько лет тому назад чурались выдвигать на руководящую партийную работу людей образованных...то теперь партии удалось расчистить дорогу для выдвижения выросших за последний период кадров и поставить их на руководящую работу» [1, с. 529]. К концу десятилетия вышестоящие местные власти также стали заботиться о повышении образовательного ценза своих подчиненных. В частности, в 1940 году Вологодский обком ВКП (б) констатировал, что по итогам партийных выборов состав секретарей районных и городских комитетов ВКП (б) в области улучшился «по образованию» [15, л.13-14].

Однако следует отметить, что на местах приоритеты Центра в области образовательной политики в отношении ответственных работников не сразу находили отклик и понимание. В этой связи весьма показательна сложившаяся в 1940 году ситуация с утверждением кандидатов на должности заведующих районными отделами

здравоохранения Архангельской области. Первоначально в некоторых районах на указанные должности были назначены бывший работник лесопиленного завода, председатель сельсовета, кассир. Вследствие того, что должность была номенклатурной, районные кандидатуры должны были пройти согласование и утверждение в Архангельском обкоме ВКП (б). Рассмотрев список кандидатов, обком был озадачен, недоволен и раздражен таким подходом к подбору кадров, при котором «председатели РИКов и секретари РК считают, что заведующий районным отделом здравоохранения – это своего рода завхоз, о том, что он должен знать хотя бы основы медицины, многим не приходит в голову, они и не думают искать кандидатов среди медицинских работников» [23, л. 79-80]. В итоге обком не утвердил те кандидатуры, которые не имели специального образования, и рекомендовал районным органам власти найти соискателей, имеющих хотя бы среднее медицинское образование [23, л. 80]. Подчеркнем, что данный случай примечателен и тем, что региональные власти, осознав требования высшего руководства страны, пытались наставлять своих нижестоящих подчиненных в следовании кадровым установкам Центра.

В то же время в ряде случаев требования высокообразовательного уровня работника входили в конфликт с другими кадровыми критериями – социальным происхождением, соответствием генеральной линии партии, политической лояльности. Так, с декабря 1937 г. Яков Васильевич Котомихин являлся исполняющим обязанности заведующего промышленно-транспортным отделом Вологодского обкома ВКП(б). В 1937 г. он закончил Московский энергетический институт, владел двумя иностранными языками. Однако в 1938 г. был снят с должности и.о. завотделом и назначен простым инструктором обкома. Вероятно, роль в понижении по должности сыграл тот факт, что Котомихин имел ряд взысканий по партийной линии и даже исключался из партии в 1921 году [13, л. 40]. Следовательно, в этом конкретном случае такое условие нахождения на руководящей должности, как высокий образовательный уровень работника, уступил место политической благонадежности и чистоте партийной карьеры. Подчеркнем, что подобная ситуация была вполне обыденным явлением в 1937–1938 гг. в условиях массовых репрессий, однако чуть позже, на рубеже 1930–1940-х гг., когда политическое поле было зачищено от той категории ответработников, которую причисляли к «врагам народа», фактор наличия у номенклатурного работника высшего или среднего образования стал играть важную роль.

Итак, в конце 1930-х гг. в высших эшелонах власти и на местах уровню образования региональных руководителей стали придавать значение как неременному условию успешной карьеры, обладание высшим или средним специальным образованием выступало одним

их важных критериев при назначении на административную должность в партийно-советских аппаратах всех уровней.

При характеристике уровня образования региональных руководителей Европейского Севера России в указанный период проявляется ряд важных особенностей. Во-первых, четко обозначен тренд, согласно которому чем выше был уровень полномочий в рамках какого-либо органа власти, тем ниже становилось образование руководителей. Так, среди восьми председателей Северного краевого, Северного областного, Архангельского и Вологодского областных исполкомов Советов в 1930-е гг. большинство составляли лица, обладавшие низшим или неполным средним образованием: шесть человек имели низшее, один – неполное среднее [3, л. 2; 4, л. 8; 5, л. 45об.-46; 6, л.2; 8, л. 196; 9, л. 4а-5; 10, л. 215; 11, л. 3, 23, 63; 12, л. 2; 16, л. 1; 17, л. 1; 20, л. 5; 25, с. 88, 103, 198-199; 26, л. 14, 27, л. 16, 73; 28, л. 66, 29, л. 39]. Еще один председатель – А.Д. Абрамов, возглавлявший Вологодский облисполком в 1940–1944 гг. – закончил Высший коммунистический сельскохозяйственный университет им. Я.М. Свердлова в Москве, который готовил руководящие кадры для колхозов, совхозов, МТС и райкомов, т.е. его высшее образование являлось политическим.

За годы существования Северного края должность первого секретаря Северного крайкома ВКП(б) занимали три человека, из них С.А. Бергавинов и Д.А. Конторин имели низшее образование [19, л. 16об.-17; 22, л. 1об., 25, с. 142-146, 153-154]. Еще один секретарь Севкрайкома В.И. Иванов обладал высшим образованием, при этом он учился еще до революции в Московском университете (25, с. 144). Образовательный уровень трех из четырех человек, занимавших должности первых секретарей Архангельского и Вологодского обкомов ВКП (б) в 1937-1940 гг., был низшим, за исключением исполняющего обязанности первого секретаря Вологодского обкома в сентябре-ноябре 1937 г. Г.А. Рябова, чье образование было средним. Кроме того, А.Ф. Никаноров, занимавший в 1937-1939 гг. пост первого секретаря Архангельского обкома, в 1924 г. окончил Коммунистический университет им. Свердлова, а в 1931 г. – аграрное отделение Института красной профессуры [25, с. 25].

Что касается основной массы работников партийно-советского аппарата краевого и областного уровня, то в составе заведующих и заместителей заведующих отделами, секторами, инструкторов, инспекторов на протяжении всего изучаемого периода преобладали чиновники с низшим образованием. Вместе с тем в их числе доля сотрудников с высшим и средним образованием была больше, чем среди вышестоящего начальства – секретарей крайкома и обкомов и председателей исполкомов края и областей. Так, по состоянию на 1 ноября 1933 г. почти пятая часть руководителей отделов, секторов и

других структурных единиц Северного крайисполкома имели высшее образование [2, л. 5]. В 1937 г. из двадцати заведующих отделами Северного областного исполкома Советов треть ответработников обладали высшим образованием, в том числе заведующий областным отделом народного образования В.А. Сладков, заместитель председателя облисполкома М.А. Цетлин, который еще в 1915 г. окончил Одесский университет [3, л. 2; 5, л. 45об.-46; 25, с. 217]. Однако отметим, что даже в 1937-1941 гг. была не редкостью ситуация, при которой уровень образования подчиненных был выше, чем образование заведомыми. Например, с 1938 г. управлением народнохозяйственного учета по Вологодской области руководил И.М. Михеев, который имел низший уровень подготовки. При этом одиннадцать из четырнадцати его подчиненных закончили средние, средние специальные и высшие учебные заведения [14, л. 51]. Заведующим отделом социального обеспечения Вологодского облисполкома и также обладавший только низшим образовательным уровнем Н.А. Шестаков в подчинении имел из девяти сотрудников пять человек со средним, в том числе специальным образованием [14, л. 30]. Аналогично складывалось положение и в партаппарате. Например, второй и третий секретари Вологодского обкома ВКП(б) Г.И. Овчинников и Г.Т. Клишин имели высшее образование, в то время как первый секретарь П.Т. Комаров – только низшее [12, л. 2, 11].

Во-вторых, благодаря пристальному вниманию центрального руководства к фактору образованности партийных и советских кадров, к концу 1930-х гг. ясно вырисовывалась тенденция к увеличению доли сотрудников с высшим и средним образованием в составе краевых и областных партийно-советских аппаратов. Так, если в 1930 г. работники с низшим образованием составляли около 70% кадрового состава Северного крайисполкома Советов [16, л. 185], то к концу десятилетия Архангельский облисполком был уже на 39% обеспечен кадрами с высшим образованием; 22% сотрудников обладали средним образованием [4, л. 6-7].

В-третьих, еще одной примечательной особенностью кадрового состава краевых и областных чиновников в 1930-е годы являлось то, что в начале десятилетия уровень образования партийных работников был ниже, чем сотрудников исполкомов Советов. К примеру, в 1930 г. в составе ответработников советских организаций, в т.ч. Севкрайисполкома, высшим образованием обладали только 4%; средним – 28%, остальные сотрудники имели низший образовательный уровень [18, л. 185]. В тот же хронологический период среди ответработников краевого партийного аппарата доля лиц с низшим уровнем образования была еще выше, а среднее образование имели лишь 15% сотрудников, высшего образования не было ни у кого [18, л. 182]. Однако в конце 1930-х – начале 1940-х гг. наблюдается значительный рост доли пар-

тийных чиновников с высшим и средним образованием. В частности, в начале 1937 г. в составе Северного областного комитета ВКП(б) уже было почти 17% чиновников с высшим образованием (как правило, это были завотделами и инструкторы), и до 25% увеличилась доля работников, имевших среднее образование [21, л. 12]. В конце десятилетия в Архангельском обкоме высшее образование имели 25%, в Вологодском обкоме – почти 16% ответственных работников [16, л. 5об.-6об.; 24, л. 3-3об.]. В то же самое время в Архангельском областном исполкоме Советов работали сотрудники, почти 40% которых составляли чиновники с высшим образованием; 22% имели среднее образование [4, л. 6-7]. В Вологодском областном исполкоме Советов в этот период уровень образования всех сотрудников в целом был несколько ниже, чем по Архангельскому облисполкому: работники с высшим образованием составляли всего около 15%, а доля окончивших средние учебные заведения составляла чуть более 40% [7, л. 1]. Таким образом, и в конце 1930-х гг. образовательный уровень советских краевых и партийных сотрудников данного административного звена. Однако образованность партийной чиновничьей группы возрастала более высокими темпами, чем у советских ответработников.

В-четвертых, следует указать и еще на одну заслуживающую внимания особенность в образовательном составе партийно-советских руководителей Европейского Севера России в изучаемое десятилетие. К концу 1930-х – началу 1940-х гг. обнаружилось, что кадры местных партийных аппаратов в основном рекрутировались из числа лиц, окончивших педагогические высшие учебные заведения, но был немаленьким и процент лиц, имевших техническую подготовку. Так, согласно сведениям на 1 января 1941 г. среди кадрового состава, имеющего высшее образование, почти 35% таких сотрудников Архангельского обкома и 50% Вологодского обкома имели высшее педагогическое образование. Высшее техническое образование получили почти 22% чиновников Архангельского обкома с высшим образованием; 25% таких работников Вологодского обкома [16, л. 5об.-6об.; 24, л. 3-3об.].

Подводя итоги изучения образованности региональных руководящих работников в условиях социалистической модернизации, следует констатировать, что в изучаемый период уровень образования краевых и областных и партийных и советских функционеров заметно вырос, особенно по сравнению с послереволюционным десятилетием. Этому способствовало не только пристальное внимание центрального руководства страны конкретно к вопросу повышения степени образования администраторов разных властных аппаратов и разной специализации, но и в целом активная политика правительства в области «культурной революции», составной частью которой были полная ликвидация безграмотно-

сти и привлечение в вузы и ссузы широких слоев населения, что, в свою очередь, содействовало формированию новой советской интеллигенции. В итоге на волне «культурной революции» в начале 1930-х гг. высшее и среднее образование получили люди, которые в конце 1930-х гг. заняли ответственные посты на высших этажах региональной власти – в обкомах и облисполкомах. Продвижению этой когорты – более подготовленных кадров, получивших образование уже в советской образовательной системе – объективно способствовали и массовые репрессии последней трети изучаемого десятилетия, когда из местной элиты были удалены кадры, или по большей части имевшие низшее образование, или получившие высшее и среднее образование еще до революции. Тем самым было расчищено поле для недавних выпускников советских вузов. Особенно заметно

к концу 1930-х гг. возросла степень образования региональных партийных руководителей. Вместе с тем ответственных работников, обладавших высшим и средним уровнем образования, было больше в исполкомах Советов, чем в партаппаратах северных областей. Думается, что это было обусловлено спецификой управленческой деятельности каждой из двух групп местной власти: в советских структурах отвечали за администрирование разными сферами жизни общества, в связи с чем были востребованы и ценились специальные отраслевые знания и навыки, в партаппарате же в большей степени проводили идеологическую работу, контролировали кадровую политику, а потому важны были чистая партийная биография, политическая лояльность, приверженность генеральной линии партии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восемнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939. 744 с.
2. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 621. Оп. 1. Д. 557.
3. ГААО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 1001.
4. ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Т. 1. Д. 1308г.
5. ГААО. Ф. 2063. Оп. 4. Д. 1.
6. ГААО. Ф. 2063. Оп. 14. Д. 37.
7. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1300. Оп. 1. Д. 319.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1874.
9. Обособленное структурное подразделение «Вологодский областной архив новейшей политической истории» (ОСП ВОАНПИ). Ф. 2522. Оп. 1. Д. 3.
10. ОСП ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 4.
11. ОСП ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 9.
12. ОСП ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 96.
13. ОСП ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 173.
14. ОСП ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 139.
15. ОСП ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 381.
16. ОСП ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 813.
17. Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (ОДСПИ ГААО). Ф. 290. Оп. 1. Д. 16.
18. ОДСПИ ГААО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 189.
19. ОДСПИ ГААО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1141.
20. ОДСПИ ГААО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 355.
21. ОДСПИ ГААО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 1376.
22. ОДСПИ ГААО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 401.
23. ОДСПИ ГААО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 585.
24. ОДСПИ ГААО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 813.
25. Репрессии в Архангельске: 1937-1938. Документы и материалы / Общ. ред. и вступ. ст. Р.А. Ханталиной. Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1999. 271 с.
26. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 776.
27. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 992.
28. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 993.
29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 994.

© Перебинос Юлия Александровна (uliaperebinos@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»